

ЗОЯ ЯКОВЛЕВНА БОЯРШИНОВА
(1909–1986)

I. МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА З.Я. БОЯРШИНОВОЙ «ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В XVII–XX вв.: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ» (6 МАЯ 2009 г., ТОМСК, ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

УДК 930(091)

ВОСПОМИНАНИЯ О З.Я. БОЯРШИНОВОЙ

В разделе помещены воспоминания коллег и учеников профессора З.Я. Бояршиновой, доктора исторических наук, исследователя истории Сибири, одного из основателей исторического факультета Томского государственного университета и томской школы историков.

Ключевые слова: *история Сибири, Томский университет, З.Я. Бояршинова.*

А.Н. Жеравина

**ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ
ЗОИ ЯКОВЛЕВНЫ БОЯРШИНОВОЙ (1909–1986)**

Глубоким оказался след, оставленный доктором исторических наук, профессором Зоей Яковлевной Бояршиновой в истории Томского университета. Начало работы ее в университете совпало с открытием в 1940 г. исторического факультета через 20 лет после его закрытия в 1920 г. как не справившегося с переходом на «научно-марксистские основы».

К моменту поступления на работу в университете Зоя Яковлевна прошла достаточно большую жизненную школу. Родилась она в семье рабочего, который в 1914 г. был взят на фронт, вернулся домой с войны больным и вскоре ушел из жизни. Пережив в детстве и юности вместе с семьей тяготы революции, гражданской войны, безденежье, потерю близких, Зоя Яковлевна рано начала работать.

Она окончила в 1925 г. школу, в 1927 г. получила квалификацию политехпросветработника в Пермском педтехникуме, работала библиотекарем в клубах строителей, инструктором ликбеза при районных отделах образования Пермской и Новосибирской областей, учителем начальных школ в Новосибирской области, учителем истории в средних школах городов Новосибирской области. В 1937 г. Зоя Яковлевна поступила на заочное отделение исторического факультета Томского педагогического института. Совмещая учебу с работой учителя истории в средних школах Новосибирска, затем в 9-й школе г. Томска, в 1940 г. она получила институтский диплом с отличием. Уже до этого у нее была семья, она стала матерью двоих детей. Между окончанием школы и института пролегло 15 лет жизни, связанной с учебой и

работой, а также с выполнением ответственных поручений на ниве общественных дел в комсомоле.

С открытием в университете исторического факультета Зоя Яковлевна становится его сотрудником в качестве старшего преподавателя. Лишь первый учебный год ее трудовой деятельности в университете пришелся на мирное время. С уходом на фронт первого декана Г.В. Васильева факультет остался на попечении нового декана – Зои Яковлевны Бояршиновой.

Условия становления факультета и в мирное время были очень сложными, теперь к ним добавились невероятные трудности, вызванные войной. Срочно пришлось перемещаться в не приспособленные для учебных занятий и проживания студентов помещения, переносить на руках через весь город факультетские книги и имущество. Много сил требовало обеспечение новых помещений дровами, которые ежедневно вывозились задолго до рассвета на санках из дровяных складов на Черемошниках или из лесосеки за Томью, где было много заготовленных, но не вывезенных университетских дров. Доставленные к помещению, где шли занятия, дрова распиливали, кололи и старались растопить печи до начала занятий. Приходилось ездить в Кузбасс, где добывался уголь и где надо было обеспечивать его погрузку для доставки в Томск. По воспоминаниям студентки факультета тех военных лет В.А. Соловьевой, вместе со студентами во всех этих делах участвовала Зоя Яковлевна как организатор их и исполнитель. Вместе со студентами она шла пешком на строительство железнодорожной ветки, предназначенной для доставки оборудования эвакуированных в Томск заводов, на строительство ГРЭС-2.

Все это выполнялось параллельно с организацией учебного процесса и, что более всего удивительно (!), с практическим решением вопроса о запланированном еще в мирное время развертывании исторического факультета в историко-филологический. Казалось, что из-за начавшейся войны решение этого вопроса могло быть отодвинуто на неопределенный срок. Но этого, к счастью, не произошло. Уже второй 1941/42 учебный год начался на факультете в составе трех отделений: исторического, классической филологии и русского языка и литературы. Этому помогло появление выдающихся специалистов, эвакуированных в Томск из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, – знатоков истории русской и зарубежной литературы, греческого, латинского языков, санскрита и древних языков, истории средних веков.

Сотрудники историко-филологического факультета писали популярные брошюры и статьи, которые широко использовались в лекционной пропаганде. Профессор А.И. Неусыхин, крупный специалист в области западноевропейской средневековой истории, в Томске написал две брошюры: «Исторический миф Третьей империи», «Кто такие древние германцы и существует ли северная раса?». Серия брошюр была подготовлена и опубликована Э.Н. Ярошевским под общим названием «Великие полководцы земли русской» («Александр Невский», «Дмитрий Донской», «А.В. Суворов», «М.И. Кутузов»). Академик А.И. Белецкий разработал текст лекции «Наша культурная старина и фашистское варварство», использовавшийся в агитационно-пропагандистской работе.

Сотрудники факультета и студенты часто выступали с научно-популярными лекциями в госпиталях, на площадках в Городском саду, в кинотеатрах перед началом сеансов и в других аудиториях.

Лекционная пропаганда в городе и сельской местности, шефская помощь во время посевной и уборочной, работа в подсобном хозяйстве за городом на участках Ботанического сада и в Конинине, участие в сборе и шитье теплой одежды для фронтовиков, помощь их семьям – все это относилось к будням сотрудников и студентов факультета, как и всего университета. Через годы Зоя Яковлевна, вспоминая время становления факультета в условиях военного времени, признавала: «Работать приходилось в неимоверно трудных условиях», которые отнимали много физических и душевных сил. Она очень дорожила воспоминаниями о тех нелегких годах жизни каждого человека страны. «Люди моего поколения, кто пережил тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, были суровыми и в то же время очень добрыми, чуткими к чужому горю. Чувство взаимопомощи, взаимовыручки, чувство «плектя», особенно ценное в беде, в те годы проявилось наиболее ярко. В нашем небольшом университетском коллективе мы стали ближе, гуманнее, отзывчивее». Зоя Яковлевна как член партийного бюро университета с января 1943 г. и до окончания войны имела основания писать обо всем университетском коллективе.

Одно из своих последних выступлений перед студентами с воспоминаниями о военных годах Зоя Яковлевна закончила словами: «Прошлое видится в романтической дымке, все военные утраты, горечь пережитого не так щемят сердце. Но и теперь не перестаешь удивляться гражданской мужественности студентов тех лет, мужественности, которая множилась на факультете благодаря бывшим фронтовикам». Всегда с глубочайшим уважением Зоя Яковлевна называла их имена: В. Флерова, М. Евсеева, Г. Митрофанова, А. Ачатовой, А. Лукина, А. Сухотина, П. Коптелова, М. Казанцева, лучшего секретаря комсомольской организации факультета послевоенных лет фронтовика Л. Алякринского. Она гордилась тем, что многие из них стали известными учеными. Как руководитель З.Я. Бояршинова сформировалась в годы войны, и это было хорошо заметно. Необычно развитое чувство личной причастности и личная ответственность стали основными качествами ее характера.

Деканство Зои Яковлевны продолжалось до 1947 г. Затем она еще дважды (в 1952–1955 и 1959–1963 гг.) была деканом ИФФ, а в перерывах между этими годами продолжала руководить факультетом в качестве заместителя декана А.И. Данилова (1949–1950 гг.) и секретаря партбюро факультета (в 1955–1963 гг.). С 1962 г. на протяжении почти 20 лет Зоя Яковлевна заведовала кафедрой археологии, этнографии и истории Сибири, затем – кафедрой истории СССР досоветского периода. Много сил отдавала она овладению и совершенствованию своего педагогического мастерства и научно-исследовательской работе.

Лекции Зои Яковлевны, которые она читала в спокойном размеренном ритме, без каких-либо ярких эмоций, остались в памяти студентов разных лет глубиной их содержания, четко выстроенной структурой, насыщенно-

стью их фактами и последними достижениями исторической науки. Нередко в ценности содержания лекций по истории СССР, прочитанных Зоей Яковлевной первокурсникам, последние еще раз убеждались, когда им приходилось обращаться к ним при подготовке к госэкзаменам. Нынешний профессор Омского университета Юрий Алексеевич Сорокин, выпускник кафедры, возглавляемой Зоей Яковлевной, почти через 30 лет сегодня делится воспоминаниями о собственном восприятии ее лекций: «Они были лишены внешнего блеска, и никто не назвал бы их живыми и образными, но они мне просто нравились... я их ставил выше лекций студенческих фаворитов в I семестре» (I курса). И далее Юрий Алексеевич пишет: «Уже вкусив преподавательского хлеба, читая своим студентам курс феодальной Сибири, я смог оценить их подлинное качество. Передо мной открылась бездна. Я понял, что читать лекции хуже Зои Яковлевны невыносимо стыдно, а читать так как она, я не смогу никогда ... Так вразумительно и к месту характеризовать в лекции на конкретную тему источники, с непередаваемой личной ноткой подавать историографические сюжеты, я, боюсь, так и не научился». Может быть, излишне скромно пишет о себе Юрий Алексеевич, но что предельно искренне о лекциях Зои Яковлевны – несомненно.

Присутствие на факультете «врага народа», выпускника Харьковского и Петроградского университетов, магистра искусств, деятельного участника раскопок Херсонеса Таврического К.Э. Гриневича обеспечило устойчивый интерес на факультете к археологии. Участие Зои Яковлевны в первой археологической экспедиции в 1944 г. пробудило ее интерес к научному поиску. Материалы раскопок, датированные XVI в., определили основное направление ее научной деятельности. С этого времени внимание Зои Яковлевны было приковано к истории Сибири, далекому прошлому ее коренных жителей, началу заселения ее русскими. Результатом ее научных изысканий явилась подготовленная к защите кандидатская диссертация на тему: «Население Томского уезда в первой половине XVII в.».

С огромными трудностями пришлось столкнуться Зое Яковлевне в процессе работы над избранной темой. В XVII в. еще не были определены границы уезда, точно так же не имели очерченных границ волости коренных жителей уезда. Что касается сохранности источников, еще в XVIII в. Г.Ф. Миллер отмечал, что многие материалы XVII в. «изгнили», оказались испорченными или утраченными. Исследование Зои Яковлевны было осуществлено на основе опубликованных, но главным образом многих архивных, впервые введенных в научный оборот источников. Выступивший в качестве официального оппонента крупнейший сибиревед того времени В.И. Шунков дал высокую оценку диссертации Зои Яковлевны: «Обильный конкретно-исторический материал, извлеченный из архивных фондов, дал возможность автору показать жизнь Томского уезда в исследуемый период в его конкретном своеобразии и наметить ряд важных выводов. Это делает работу местную по теме, отнюдь не местной по ее значению». Работа Зои Яковлевны, по отзыву В.И. Шункова, «является ценным локальным исследованием, в котором тщательное описание состояния Томского уезда сочетает-

ся с выводами, имеющими и более широкое значение» (подчеркнуто мной. – А.Ж.) [1. С. 341].

Научный консультант Зои Яковлевны С.В. Бахрушин особо отметил, что ее диссертация является ценным вкладом в изучение истории Сибири XVII в.: «Ни в дореволюционной литературе, ни в советской у нас нет подобной работы ни по одному из уездов Сибири».

Профессор А.А. Преображенский, в течение многих лет руководивший сектором феодализма в Институте истории АН СССР, впоследствии вспоминал, что после защиты Зоей Яковлевной диссертации на тему: «Население Томского уезда в первой половине XVII в.», а затем после выхода через год монографии на ту же тему ее имя «заняло почетное место в нашей сибиреведческой историографии, ее труды вошли в число основополагающих на этом важном участке исторической науки».

В последующих своих работах Зоя Яковлевна занялась изучением хозяйства и общественного строя коренного населения всей Западной Сибири. Результаты этой работы не ограничиваются ее научной значимостью. Они, как оказалось, стали востребованными уже в конце XX в., когда появилась необходимость преодолеть историческую несправедливость по отношению к компактно проживающей этнической группе коренных жителей центра и малочисленных населенных пунктов Тегульдетского района Томской области.

В дореволюционных источниках и документах советских учреждений до 1939 г. чулымских тюрков называли, как и всех коренных жителей Сибири, «инородцами», ясашными или по месту проживания – чулымскими татарами. По названию волости, в пределах которой они были зафиксированы, они известны под названиями «телесы», «телецкие татары». С 1939 г. во всесоюзных переписях появилось сохранившееся до сих пор паспортное имя чулымских тюрков – хакасы. При этом установлено, что этноним «хакасы» привился среди молодых чулымцев и людей среднего возраста. Пожилые же люди, как правило, не идентифицировали себя с хакасами (в прошлом – абаканскими, минусинскими татарами).

Случилось так, что в 1939 г. было искусственно перенесено на обособленную группу чулымцев этническое название «хакасы». Это привело к серьезным последствиям – к формированию в обыденном сознании русского окружающего населения вывода о «пришлости» чулымцев, «гулящего народа», недавно (век или два тому назад) переселившегося в район их нынешнего компактного проживания. По материалам, в свое время проанализированным Зоей Яковлевной и подтвержденным современными исследованиями, этническая история чулымских татар охватывает почти тысячелетний период. Это оказалось тем более важным, что в материалах Всесоюзной переписи 1989 г. их записали в графу «жители других национальностей» – без исторического имени, без места, без численности, в числе других национальностей. Эта историческая несправедливость была преодолена благодаря исследованию З.Я. Бояршиновой и ее последователей в изучении истории чулымских татар [2; 3; 4].

Существенным оказался вклад Зои Яковлевны в решение вопроса о наличии исходных этнических образований в дорусский период истории Сиби-

ри, в определение факторов, влиявших на их изменение. Важно было представить, какие этнические процессы протекали в этнотерриториальном пространстве Томского уезда в период, предшествовавший началу освоения Сибири русскими, понять их направленность, приоритетность и зависимость от внешнеполитических влияний и обстоятельств. На примере изучения истории барабинских и томских татар, чатских татар, мигрировавших с верховьев Оми на левобережье Оби, Зоя Яковлевна по материалам сбора ясака установила применительно к 20-м гг. XVII в. наличие 20 волостей. Ею установлено количество жителей в пределах одной волости, численность которых колебалась от 5 до 29 человек. В процессе решения Томской администрацией фискальной и политической ориентации населения волостей оказалось, что это население было уже давно организовано на основе каких-то принципов. Это подтверждалось устойчивостью податных единиц уже ставших русскими волостями на протяжении всего XVII столетия. Одним из принципов организации была оптимальная численность входивших в нее людей. В чулымских волостях в течение всего XVII в. она не превышала 10 чел. (с учетом лишь лиц м.п.). По мнению Зои Яковлевны тягловой единицей была семья, а «ясачная» волость XVII в. чрезвычайно напоминала территориальную общину.

Исследования Л.И. Шерстовой истории тюрков Южной Сибири дали возможность ей сделать вывод о многообразии сути аборигенной волости XVII в. Она могла быть родовой, племенной, большой семейной, территориальной или соседской. В каждом конкретном случае это могла быть (и, видимо, была) какая угодно общность людей, случайной или сложившейся, родственной или соседской, этнической или политической. Все эти разнотипные по природе и истокам объединения воспринимались и обозначались русскими одинаково – как волость.

Местным и центральным администрациям было неважно, по каким принципам создавались искомые податные общности. Важно было то, что они есть и функционируют и могут успешно служить объектом сбора ясака. Эти выводы были сделаны Л.И. Шерстовой с учетом вклада Зои Яковлевны в определение сути аборигенной волости в пределах Томского уезда [5. С. 34–35; 6. С. 68; 7. С. 25–26].

Уже в XVII в. в результате взаимодействия местной элиты и даже массы рядовых ясачных с представителями разных уровней русской власти в Сибири устанавливается косвенная система будущего управления Сибирью. Верхушка аборигенного общества довольно легко вписалась в социальную структуру Московского царства. Князцы и лучшие люди должны были собирать ясак и «поминки», доставлять их в целости до «государевой казны» в острогах и городах и выступать в роли посредников между жителями своей волости и местной администрацией. З.Я. Бояршиновой установлено, что уже в 1626 г. в составе Томского гарнизона насчитывалось 130 «служилых татар» – эуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые люди, стали получать годовое жалованье в размере 3–8 р. [3. С. 65, 107–108].

З.Я. Бояршиновой принадлежит большая заслуга в разработке методики применения массовых исторических источников: переписных и окладных

книг, подворных описей, ревизских сказок. Ею был введен в научный оборот огромный массив дозорных и окладных книг XVII – начала XVIII в. Это позволило Зое Яковлевне не только установить количественный состав плательщиков ясака в Западной Сибири, но и изучить ясачную политику царского правительства.

Совместно с сотрудником Научной библиотеки Томского университета Л.А. Пановой и филологом университета тогда еще доцентом В.В. Палагиной в 60-е гг. Зоя Яковлевна занималась подготовкой к печати сборника документов «Памятники сибирской истории». В первый выпуск «Памятников...» вошли не издававшиеся ранее рукописные материалы XVII в.: Таможенная книга 1624–1625, 1627 гг., Расходные книги 1630–1631 гг., Приходные книги 1631–1632 гг., Раздачи хлебного жалования служилым людям 1670–1679 гг. Они оказались важными для изучения вопросов хозяйственного освоения Сибири русскими. По ним можно создать представление о численном составе различных групп населения Томска, в ряде случаев проследить, откуда прибывали служилые люди в Томский и Кузнецкий гарнизоны.

Во второй выпуск «Памятников...» вошла одна из еще не опубликованных сибирских летописей, известная под названием «Книга Записная». Изданная в 1973 г., она вскоре после выхода в свет стала библиографической редкостью. В письме Зое Яковлевне от 7 марта 1974 г. С.О. Шмидт писал: «Не могу еще раз не сказать о том, как много дала встреча с Вами. Спасибо за присылку «Книги Записной», за память, а главное за то, что Вам удалось в Томском университете сделать такой подарок историкам». С.О. Шмидт высоко ценил Зою Яковлевну как источниковеда. Не случайно она единственная представляла историков от Урала до Дальнего Востока в качестве члена Археографической комиссии при Институте истории СССР АН СССР в 1960–70-е гг.

Когда в середине 1950-х гг. началось широкое изучение истории городов феодальной Сибири, Зоя Яковлевна уже располагала рядом новых источников об основании Томска и Кузнецка (о возникновении, складывании населения, административных и хозяйственных функциях этих городов). Первые ею были обстоятельно изучены торговые связи г. Томска. В работах З.Я. Бояршиновой содержится немало ценного материала о хлебном рынке Сибири XVII в. Ее наблюдения и выводы послужили важной основой для выявления общего и особенного в образовании и функционировании хлебных рынков. Проблемы социального протеста различных категорий населения Сибири также нашли разработку в исследованиях Зои Яковлевны.

Ее научно-исследовательская работа началась в годы, когда отечественная историческая наука от концепции преимущественно промышленного освоения Сибири в XVII в. все более активно переходила к всестороннему изучению земледельческого освоения края. В этот аспект сибиреведения Зоя Яковлевна также внесла существенный вклад.

Проанализировав главные виды хозяйственной деятельности первых русских крестьян Томского уезда, она выяснила степень участия служилой массы в становлении местного хлебопашества. Внимательно исследовав повинности сельских труженников, Зоя Яковлевна пришла к выводу о господ-

стве в уезде рассматриваемого времени феодальных отношений. Она внесла большой вклад в изучение форм феодальной ренты в Сибири. Одной из первых среди сибиреведов Зоя Яковлевна обратила внимание на отличие главной формы ренты в Сибири XVII в. – десятинной пашни – от классической барщины. Она пришла к выводу о том, что феодальные отношения в русской деревне Сибири приняли несколько смягченную форму по сравнению с крепостничеством центральных районов России. Личная зависимость сибирских крестьян не достигла того уровня, который был характерен для помещичьих крестьян европейской части страны. Власть феодала (государства) над крестьянами в Сибири не приобрела вещного права.

Анализируя эволюцию форм ренты, Зоя Яковлевна выяснила, почему правительство в условиях Сибири было вынуждено решать вопрос не о личном прикреплении крестьян к земельным наделам, а лишь об обязательном обеспечении крестьянами тягла и практически не препятствовало передаче его (частично или полностью) другому лицу. Детальное изучение системы землепользования, политики правительства по отношению к крестьянству способствовало разработке концепции государственного феодализма на сибирской почве.

В накопленной сложными дискуссиями отечественной историографии в решении проблемы производственных отношений государственной деревни Сибири академик РАН Н.Н. Покровский особо выделяет позицию З.Я. Бояршиновой, позицию, которая, всегда выгодно отличалась скрупулезной точностью, верностью источнику, умением четко использовать его в исследовании главной для формационного анализа проблематики. Теоретическое обоснование концепции государственного феодализма в Сибири было дано Зоей Яковлевной в ряде статей, опубликованных в середине 60-х – начале 70-х гг.[8; 9; 10]. Таким образом, З.Я. Бояршиновой принадлежит заслуга в решении проблемы сущности типа производственных отношений в государственной деревне Сибири.

Сложной и противоречивой оказалась в отечественном сибиреведении проблема производственных отношений в приписной деревне. В решении вопросов социальной сущности приписного крестьянства, степени его феодальной зависимости Зоя Яковлевна заняла принципиальную позицию несогласия с Г.П. Жидковым. Она решительно возражала против отрицания личной зависимости приписных крестьян, как на этом настаивал Г.П. Жидков [11. С. 10]. По этому поводу Зоя Яковлевна писала: «Если считать приписных крестьян Алтая лично не зависимыми от феодала – владельца округа, то становится непонятным, как без внеэкономического принуждения феодал мог заставить крестьян выполнять заводскую барщину. Уже сам факт прикреплении к заводам и запрещения покидать пределы заводского округа говорит о личной несвободе крестьян. В дополнение к этому Зоя Яковлевна установила запрещение крестьянских переселений не только за пределы Кольваново-Воскресенского округа на территорию губернского ведомства, но и внутри округа из одной волости в другую. Имевшие место переселения крестьян на облюбованные ими места происходили вопреки запретительной

политике владельца Алтайского горно-промышленного комплекса [12. С. 360–361].

В определении сущности производственных отношений в приписной деревне кабинетского хозяйства решающую роль играет аргументация оппонентов. Позиция Г.П. Жидкова была основана на предположениях академика Н.М. Дружинина «об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими отношениями» [13. С. 6]. Эту «опорную» идею Н.М. Дружинина Г.П. Жидков многократно использовал для аргументации своего представления о социальной сущности приписных крестьян Алтая. При этом не учитывалось понимание Н.М. Дружининым того, что «Сибирь ... требует специального исследования на основе местных исторических источников» [14. С. 4]. Позиция Зои Яковлевны всегда базировалась на привлечении широкого круга источников. Ее наблюдения о запрещении крестьянских переселений даже в пределах заводского ведомства нашли подтверждение в исследованиях последующих лет [15. С. 193–203; 16. С. 167–192; 17].

Аргументированно возражала Зоя Яковлевна М.М. Громыко, полагавшей, что в XVIII в. «приписные крестьяне Колывано-Воскресенских заводов пользовались гораздо большей хозяйственной самостоятельностью, чем помещичьи крепостные» [18. С. 213].

З.Я. Бояршинова исходила из того, что «приписные крестьяне интересовали заводское начальство не только в качестве вспомогательной рабочей силы, выполнявшей заводские работы... но и как производители зерна и продуктов животноводства для обеспечения заводских магазинов и производственных нужд» [12. С. 361–362].

Существенным представляется свидетельство аспирантки З.Я. Бояршиновой 1961–1964 гг. о встречах с ней в последующие годы на симпозиумах и научных конференциях – Ф.С. Кузнецовой. Она отмечает, что Зоя Яковлевна «никогда не торопилась высказать новую идею, недостаточно аргументированную». К этому можно добавить мнение Н.Н. Покровского, особо подчеркивавшего, что «выступления Зои Яковлевны на всесоюзных и региональных научных конференциях отличались свежестью мысли, всегда основательно подкреплялись источниками» (подчеркнуто мной. – А.Ж.).

Все вышесказанное относительно характера производственных отношений в приписной деревне Алтая обретает особую значимость в связи с новым подходом к определению социальной сущности приписных крестьян кабинетского хозяйства в современном сибиреведении. Дело в том, что в 1970-е гг. М.М. Громыко исследовала некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. [19. С. 298–299]. В 1980-е гг. признавал юридически близкими по положению приписных крестьян к государственным В.В. Пундани. Он писал, что приписные крестьяне вместо платежа подати государству исполняли различные заводские работы [20]. В докторской диссертации по истории государственной деревни Урала и Западной Сибири второй половины XVIII – первой половины XIX в., защищенной в 1991 г., В.В. Пундани без всяких оговорок включил в территориальные рамки своего исследования приписную деревню Алтая, присвоив

ей статус государственной деревни. В представлении автора диссертации, между приписной и государственной деревнями Западной Сибири стоял знак равенства. Самое удивительное заключается в том, что сделано это, как оказалось, было без какого-либо исследования приписной деревни. В.В. Пундани ограничился лишь включением территории кабинетского хозяйства в Западной Сибири в пределы территории государственной деревни. Он обошелся без использования материалов Кабинета, канцелярии Колыванно-Воскресенского горного начальства, судебных и земских изб, волостных правлений, без обращения к которым немислимо что-либо писать о приписной деревне.

В этих условиях продолжает сохранять свое значение ответ на вопрос о социальном статусе приписных крестьян. Снова становится востребованной концепция о двух типах производственных отношений в государственной и приписной деревнях Сибири. Не случайно же то обстоятельство, что в силу оригинальности своего правового положения, составляя всего 12 % от общей численности крестьян Сибири в середине XIX в., приписное крестьянство привлекало исследователей не меньше, чем остальные почти 90 % сибирских крестьян.

Слияние в последние десятилетия в историографии крестьян приписной и государственной деревень в один разряд государственных противоречит ориентации самих крестьян Сибири в том, что быть приписным или государственным не означало одно и то же. Об этом свидетельствуют драматические события, имевшие место в конце XVIII в., когда Указом от 3 марта 1797 г. были исключены из заводского ведомства 7796 душ м.п. крестьян удаленных от заводов и рудников северной части Томского уезда, Ачинского, Каинского, Красноярского уездов и включены в число приписных крестьян жители селений Пачинской волости и южных волостей (Убинской, Усть-Каменогорской, Крутоберезовской Семипалатинского уезда), находившихся до этого в положении государственных или экономических крестьян (всего 7790 душ м.п.).

Вновь приписанные крестьяне единогласно объявили: «что касается описывать их и чинить имуществу и состоянию свидетельства, то они того исполнять не могут и не хотят». Когда от них потребовали письменного объяснения причин неповиновения, крестьяне ответили молчанием. Они стали собирать деньги на отправку ходоков в Петербург с прошением на имя императора «об увольнении их из приписки к заводам». Время шло, а неповиновение крестьян продолжалось. В январе 1798 г. они отказались представить ведомости с указанием числа душ в слободах по 5 ревизии, а также именных списков всех поселян. Решение по поводу прекращения волнений пачинских крестьян принял сам император, предписавший 22 марта 1798 г. генерал-майору М.И. Ивеличу: «Употребить для этого вверенный ему полк... в случае же большого сопротивления» император разрешал «употребить силу оружия, дабы заставить уважать войска наши». Лишь после вступления в слободу Томского полка 4 мая 1798 г. удалось заставить пачинцев дать подписку о послушании.

Прииртышских крестьян умирляли ротой солдат и десятком казаков в ответ на заявление крестьян «хоть всех убей, а под завод не пойдем». После телесного наказания в каждой слободе наиболее активно не признававших силу Указа 3 марта 1797 г. летом 1798 г. с трудом удалось начать учет посевов крестьян. Подробное изложение событий, связанных с решительным отказом бывших жителей государственной и экономической деревень признать себя приписными крестьянами дано в коллективной монографии И.В. Побежниковым [21. С. 217–226].

Высокое положение Зои Яковлевны в сибиреведении обеспечивалось необычайной широтой ее научных интересов. Огромную роль сыграла ее собственная методика сбора сведений, основанная на сплошном изучении архивного материала. Именно благодаря этому она имела редкую возможность аргументировать выдвигаемые положения источниками.

С наибольшей наглядностью научный кругозор и высокий личный авторитет Зои Яковлевны сказались во время издания многотомных академических изданий «История Сибири» и «История крестьянства Сибири», где она была не только автором ряда глав, но и незаменимым членом редколлегии. Она активно участвовала на всех стадиях работ, начиная с обсуждения их концепции.

Заметен вклад З.Я. Бояршиновой в разработку учебных пособий. В 1960 г. ею был опубликован спецкурс по истории народов Западной Сибири до начала русской колонизации [7. 151 с.]. В 1980-е гг. сотрудники возглавляемой ею кафедры подготовили учебное пособие «История Сибири», главным редактором которого была Зоя Яковлевна.

Студенты многих поколений навсегда запомнили практические занятия Зои Яковлевны по истории СССР периода феодализма, ее спецсеминары, вытекавшие из круга ее научных интересов. Она знакомила своих питомцев с современным уровнем развития исторической науки. Под ее заботливым и очень требовательным руководством студенты овладевали сложной методикой научного поиска. Зоя Яковлевна всегда чутко реагировала на все новое в исторической науке, привлекая к этому внимание и своих воспитанников – студентов и аспирантов. Проблемы социальной психологии, применение электронно-вычислительной техники в исторических исследованиях, методика обработки массовых источников – к решению этих и многих других проблем активно приобщались ученики Зои Яковлевны.

Неизгладимый след в памяти студентов 70-х гг. и членов кафедры оставили спецкурсы, прочитанные приглашенными Зоей Яковлевной профессорами М.М. Громыко («Проблемы сознания и быта сибирских крестьян XVIII–XIX вв.») и Н.Н. Покровским («Церковная реформа Никона»). Ведущие ученые страны, специалисты по истории Сибири и России феодальной эпохи с глубоким уважением относились к Зое Яковлевне. Они охотно откликались на ее приглашения к участию во всесоюзных и региональных научных конференциях, проходивших в Томске в 1960–80-х гг. Благодаря этому ученики Зои Яковлевны – ее аспиранты и студенты – имели возможность личного знакомства с В.А. Александровым, А.А. Преображенским, В.И. Корецким, Е.В. Чистяковой, А.Д. Горским, С.О. Шмидтом, Ю.Г. Алексеевым,

М.М. Громыко, Н.Н. Покровским, Н.А. Миненко, З.Г. Карпенко, Т.И. Агаповой, Т.С. Мамсик и многими другими известными учеными. С некоторыми из них установились на долгие годы теплые дружеские отношения, завязалась переписка.

Вместе с ведущими специалистами факультета И.М. Разгоном и А.П. Бородавкиным, при активном содействии ректора университета А.И. Данилова Зоя Яковлевна стояла у истоков создания Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, периодического издания «Вопросы истории Сибири» (Вып. I – X, Томск, 1965 – 1979 гг.), которое стало печатным органом ученых Сибири, много сделавших для консолидации усилий по разработке ее истории. Не все задуманное в научном плане успела сделать Зоя Яковлевна. Об этом свидетельствуют собранные ею уникальные источники, сконцентрированные в ее личном фонде, хранящиеся ныне в Государственном архиве Томской области.

У тех, кто близко знал Зою Яковлевну, остались в памяти черты ее характера – личности одаренной, сложной и своеобразной. Поражало в ней необычайно развитое чувство личной причастности ко всем делам кафедры, факультета, университета и личной ответственности за них. Именно эти качества позволили ей создать на кафедре рабочую и дружескую атмосферу. Когда пришло время, Зоя Яковлевна приняла непростое решение уйти с должности заведующего кафедрой, главным для нее было сохранение «кафедрального климата». Приглашение на эту должность А.А. Говоркова было глубоко продуманным и, как показало время, очень дальновидным. Кафедра сумела сохранить свои традиции и свой потенциал до сих пор, при нынешнем ее заведующем Василии Павловиче Зиновьеве.

Большие заслуги ее в науке и преподавательской деятельности отмечены высокими наградами: орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалями «За трудовое отличие» (1955), «За трудовую доблесть» (1953), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946).

Высокая оценка научных достижений Зои Яковлевны, данная еще при ее жизни крупнейшими учеными, остается в силе до сих пор и всегда будет сохраняться. В специальном историографическом исследовании, осуществленном Н.А. Миненко, вклад Зои Яковлевны определен настолько объективно, что он не требует какой-либо переоценки именно благодаря глубокой аргументации основных концептуального плана положений, выдвинутых и доказанных ею [22. С. 65–67, 85, 97].

6 мая 2009 г. в Томском государственном университете состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения З.Я. Бояршиновой – талантливого педагога и выдающегося исследователя истории Сибири XVII – первой половины XIX в. (ее коренного населения, хозяйственного освоения русскими, различных форм социального протеста жителей Сибири). Неоценим вклад З.Я. Бояршиновой в публикацию ранее не опубликованных источников XVII в., теоретическое осмысление сложных процессов исторического развития Сибири.

Литература

1. *Шунков В.И.* Рецензия на книгу «Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 341.
2. *Тюрки* таежного Причулымья. Популяция и этнос / Львова Э.Л., Дремов В.А., Алексеева Г.А. и др. Томск, 1991.
3. *Демин М.А.* Коренные народы Западной Сибири в русской историографии конца XVI – первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1997.
4. *Шерстова Л.И.* Экономическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999.
5. *Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского ун-та. Томск, 1950. Т. 112.
6. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
7. *Бояришинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): Спецкурс по истории народов Сибири для студентов-заочников ист. ф-та ун-та. Томск, 1960.
8. *Бояришинова З.Я.* О формировании сословия государственных крестьян Сибири (XVIII – первая четверть XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. I.
9. *Бояришинова З.Я.* Заселение Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1969.
10. *Бояришинова З.Я.* Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971.
11. *Жидков Г.П.* Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780–1861): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Новосибирск, 1964.
12. *Бояришинова З.Я.* О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.
13. *Жидков Г.П.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. (Историографические заметки) // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976.
14. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.
15. *Булыгин Ю.С.* Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материалах миграции населения Кольвано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая. Томск, 1978.
16. *Жеравина А.Н.* Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985.
17. *Русаков К.В.* Движение населения и хозяйственное освоение Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795–1861 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987.
18. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
19. *Громыко М.М.* Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962.
20. *Пундани В.В.* Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1984.
21. *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России. Взаимодействия и противоречия. XVIII–XIX века. М., 2000.
22. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.